

ПИСЬМА КАТЬКЕ ПО ПЯТНИЦАМ

Письмо первое

Катерина!

Уже несколько дней пытаюсь написать тебе письмо, а третьего дня утром был у похудевшего Верника. Он приезжает из своих сохнотовских вояжей почти здоровым. Но всё-таки не говорит на человеческом языке, а начинает пиздеть про литературу, а я этого не выношу. И я тормознул у нового выезда из Бейт-Лехема и призадумался, ехать к нему или нет. В прошлый раз мы с ним говорили о тебе обычную чепуху. Что Катька там в Бостоне вознеслась, ля-ля-тополя. Что ребята тут твои тусуются на какой-то крыше, что приехал гандон Брэннер, который мастурбирует в тазике. Он уже посидел в швейцарской тюрьме и стал довольно важным. "На него ходят"! Я никогда их всех не видел и просто дивлюсь, что еще происходит какая-то светская околовлитературная возня. И на эту крышу можно водить девчонок, хоть уже не очень понятно зачем. Осень патриарха. Жизнь поднадоела, но в общем ещё не совсем. На будильнике пять часов утра. Раньше я заказывал письма с вечера. Часа в два ночи просыпался и их записывал. А сейчас я чувствую, что в Иерусалиме уже светает, и через час на стройку выйдут молдоване. Они строят напротив виллу какому-то религиозному придурку, и эти твои молдавские мелодии меня уже заебали. Ты же старая молдавская поэтесса и тебе эта тема близка. В городе жуткое засилье голодных иностранных рабочих. Даже в Вестях была статья, что восемь строителей-румын зверски изнасиловали пожилую квартирную хозяйку, так что её пришлось госпитализировать. Потому что иначе, на проституток уходит весь дневной заработок. Мне мой сменный водитель тоже предложил перевести в Ленинград деньги и выписать свою валютную проститутку, но потом дело сорвалось. Сложность в том, чтобы проституток не пропускают через визовый контроль, и приходится везти их сюда по дорогой визе для паломников. Ничего в этом ужасного нет, почему проститутка не может быть паломницей? Оттого, что она отдаёт своё тело иностранным товарищам? Я тут со всеми советовался, участвовать мне или нет, и все говорили "участвуй"! И я даже мечтал, что она приедет, я встречу её в аэропорту, и она окажется не проституткой, но почему-то не получилось. И еще в последнее время понаехали жуткое количество каких-то малайцев, так что Иерусалим, если ты его как-то помнишь, то ты уже можешь перестать помнить. И вообще это последнее место на земле, в котором хотелось бы писать. Я живу на горе за больницей, там где ты жила с Витькой в 91 году, когда я приперся к вам с печатной машинкой. Но на эту гору на своём тендере я уже еле-еле взбираюсь, потому что у меня уже пол года нет второй скорости. А для третьей там очень круто, и если машина накроется, то сразу в сорок пятый раз придется решать, куда из Иерусалима уезжать. Потому что новую машину мне не купить, а эту ремонтировать очень

дорого. Да я всё равно на ремонт ничего не смог отложить. Но кроме погрузки никакой работы за деньги мне для себя не придумать. Витька хоть ездит на новом грузовике и печатается в "Знамени" или в "Звезде" или ещё где-то, но это уже совершенно не из моей жизни, потому что, если я вижу своё имя напечатанным, то у меня появляется глубочайшее отвращение к себе, и мне с этим не справиться. Когда-то по молодости я считал, что всё равно где печататься. И хотел печататься в "Круге", а Эмка мне не позволяла. Там тогда шел из номера в номер замечательный сексуальный роман, из которого я помню только одну фразу, что "она села на его немалый". Ничего лучшего я на "русите" до этого не читал. Но с этими литературными пиорами, которые мастурбируют в тазиках, мне очень пересекаться не хочется. А грузить тоже уже невмоготу. Приходится для этого всё время качаться в зале, но уже блядь глубокая старость, и впрягаться в лямку и таскать целыми днями холодильники очень надоело. Два-три холодильника и писать после этого совершенно невозможно. Но в этой странной стране не существуют других работ, куда меня могут взять. Они как-то интуитивно чувствуют, что я их всех считаю козлами. Но все как говорились: намного удобнее израильтян считать за нормальных людей, и тогда никому не стыдно играть в эти игры. Ну что тебе об этом писать, как будто ты сама не понимаешь. Американцы тоже, конечно, козлы. Я думаю, что тебе основательно пришлось поглупеть, чтобы там обосноваться. Потому что я уверен, что вот эти молдавские рабочие, которые уже гремят у нас во дворе, намного живей всей твоей гарвардской профессуры. Одним словом, я встал на выезде из Вифлеема и начал думать, ехать ли к Вернику. Приедешь, а у него сидит в гостях какая-нибудь иерусалимская поэтесса, читает стихи или спрашивает меня как своего: "Вы чего-нибудь пишете?". Мне каждый раз хочется их спросить: "А вы любите ебаться?" Я не спрашиваю, потому что это обычно женщины с сильным романтическим душком, и мне страшно подумать, что они могут ответить. Всё-таки высокую поэзию очень трудно терпеть. Я тебя выдерживал только потому, что никогда не читал твоих стихов. А в этот день я еще с утра слушал препирательство своих грузчиков по поводу какой-то врачихи из Минска, на которой толстый грузчик хотел жениться, а второй его отговаривал. Толстый говорил, что "она даёт", особенно если намекнуть, что хочешь жениться. А второй говорил, что она "даёт всем", и по этому поводу они спорили. А я и так ехал жутко нервно. Там есть одна развилка внутри мусульманской деревни, а рядом стройка. Меня там несколько дней назад закидали булыжниками. Я всегда там приостанавливаюсь, потому что знаков нет и я забываю, в какую сторону поворачивать. И сначала в меня попал первый камень, а потом я уже увидел рядом с машиной их небритые рожи. Я ничего не успел почувствовать, только надеялся, что не заглохну. Но после развилки эти слова, что "она всем даёт", меня стали даже успокаивать. У меня внутри от них начиналось какое-то сексуальное брожение. Это очень красивые молодёжные слова, я их не слышал уже лет тридцать. Как-то не приходилось. Мы ехали в религиозный хасидский мoshav со стиралкой и тяжеленным холодильником "Амкор-13", и до караванов

по глине нужно было ещё сто метров топать. Я шёл под ремнём спиной к караванам и думал, что если бы я был женщиной, то лучше бы я "давал всем", а не просто "давал". Караваны стоят в этом мошаве на склонах на разных уровнях, и мы кружили по тропинке, наступая на колючие кусты и жутко матерясь. Как это овцы не чувствуют, что склоны такие колючие?! И вот по этим тропинкам люди четыре тысячи лет подряд ходят в Иерусалим босиком! Второй грузчик, который считал, что врачиха "даёт всем", шел со стиралкой на спине напрямик и тоже матерился. Только бы он с ней не шарахнулся, чинить её тут на территориях некому, и начинаешь ездить с такой стиралкой по мастерским пока не расхочется жить. Но он не шарахнулся. Мы вышли к проходу между караванами, обошли заброшенный улей и собачью будку и открыли рты. Второй грузчик даже присвистнул. Вот тебе и "всем даёт"! На пороге каравана в парике, белых чулках и в платье с идиотскими рюшечками стояла молодая баба и довольно скалила зубы. Она была абсолютно чёрного цвета, как концертный рояль. На руках у неё был сопливый младенец, но не такого концертного цвета, а скорее зеленоватый. Ребёнка я еще мог бы принять за эфиопа, но она была стопроцентной американкой из Детройта с большим оттопыренным задом. Её мужа, худосочного заморыша из Австралии, мы видели час назад на хасидском складе. Где он себе такую девку откопал?! "Какие сиськи!" - сказал мне толстый грузчик. Я ему говорю: "Давай сначала поставим холодильник на место, а потом ты будешь комментировать!" Но действительно пронзительная картина: людей на свете нет, только она, небо и склон с колючками.

Письмо второе

...какое бесконечное счастье быть евреем. И жить у себя на родине. Чувствовать себя частью своего народа. Маленькой крупицей. Маленького гордого народа. Сохранившегося народа гордой крупицей. И никто не назовёт тебя жидом. Вообще никто тебя никем не назовёт. А если даже назовёт, то ты всё равно ни бельмеса не понимаешь, чего они такое сказали. И понимать не желаешь, чтоб они там все обо...лись. Какие прекрасные люди живут в моей стране! В моей, понимаете, в моей. Она вам как в горле кость, её даже нет на ваших американских картах. А она есть, она пульсирует между Востоком и Западом, между Сциллой и Харибдой, как артерия на виске, на пупке, на лобке, главное - это очень много говорить, и того, что ты действительно хочешь сказать, должно быть не более восемнадцати процентов. Цензурирует тексты всё равно компьютер. И хорошо, что компьютер. Что разум Земли воплотился, как безумные мечты о крылатом Икаре с таким членом, что только держись поэт, держись в поэтическом седле. Люблю свою новую родину! Люблю её как мать, как мачеху люблю, е.. её мать, прижимаюсь к её морщинистой не знаю даже чему и плачу. Какая Родина ни будь, а любовь не меркнет. Люблю родину и всё, я твой сынок, мамо. Какая ты у меня милая, хоть и в годах, прости, что я тебя, израильская земля моя, не стою, дай мне в тебя вернуться, свернуться в клубок в

твоей утробе и восхищенно заснуть. Чтобы никого тут только не видеть. На Васильевский остров, впрочем, помирать, я бы не попёрся. Обещать-то он обещал, но мало ли кто чего обещает. Они его всё равно мёртвого из склепа скрадут, куда-нибудь отволокут и гальванизируют. Только еще не хватает, чтобы сдохнуть где-нибудь под капиталистическим забором, и потом твой труп будут таскать по белу свету и принюхиваться.

Опять меня начинало зашкаливать. Иерусалимскую родину люблю, парижскую родину люблю, американскую родину, правда, не очень люблю, а от негритянок пахнет болотом. Сейчас нужно мобилизоваться и выезжать на положительные мысли, но как-то ни на чем было не сконцентрироваться. И оттого, что я пишу на механической машинке, у меня начинают дико болеть пальцы. На электрической машинке и на компьютере такого не происходит. А тут меня мучает именно усталость пальцев. Так если трахаешься после большого перерыва, то натираешь себе всегда одно и то же место. Наверное, это и есть крайняя плоть. Я так и не могу до конца разобраться, что это такое. Всё-таки я был гинекологом, а не урологом. Мужская урология мне никогда не лезла в голову, и для письма это совсем уж натуралистические подробности. Но мне ими совершенно не с кем поделиться.

Еще такое натирание у меня происходит, когда я устаю от брачных отношений, и это у меня сигнал, что их нужно срочно заканчивать. Когда ты начинаешь бегать и делать себе ванночки со льдом, то становится смешно, что окружающие начинают п.деть об аморальности разводов. Я не знаю, как происходят разводы у других людей, потому что никогда не говорил об этом ни с мужчинами, ни с женщинами. Это как разговоры о женских трубочках, которые каждые полчаса рекламируют по телевизору. Их, кстати, можно набрать в туалете в "Панамерике", если есть, кому их преподнести. Но я всю жизнь стесняюсь спросить, как ими пользоваться. Только, пожалуйста, не отвечай.

Я и так горжусь собой, что всё-таки выехал в письме на американскую тему, чтобы тебе это было поближе, и снова стал писать ручкой. И если бы мне платили за это деньги, то лучше бы я писал ручкой о крайней плоти, лишь бы не писать ею о технике письма, потому что это значит лишь то, что ты совершенно исписался. И хорошо бы не писать рефлексивную прозу. И еще не писать про Израиль. Вот это мне особенно тяжело объяснять. Причины очень личные. Во-первых, потому что ни с одной женщиной тут невозможно лечь в постель. Всё-таки подсознательно, даже если всё время отгонять от себя эту мысль, но приходит в голову, что у тебя с израильтянкой могут родиться дети. А эту мысль вынести нельзя. Может быть, у нас с ней просто видовые различия! Сама представь себе, что ты, например, самка-мул и просто не можешь спать с ишаками. А во-вторых, я уже начинаю срываться на улицах только оттого, что слышу их голоса, и правильнее всего - срочно отсюда уезжать. Но Израиль очень цепкое место, и если он держит, то держит. Может быть для того, чтобы просто человека нейтрализовать.

Но приходит момент, когда приходится резать по всему, даже по крайней плоти,

лишь бы отсюда убраться. Возвышенный текст кончился. Спускаюсь на землю в театр Давида. Моё мнение, что ты можешь делать серию о том, как ставят спектакль о Давиде. Или учебную программу о Давиде. Давид хороший парень. Стоит голый в Риме, но, кажется, не в Риме, а во Флоренции.

То есть жизнь студии, репетиции каких-то сцен, и постепенно возникает другой план - пустыня, ноги в сандалиях, полы одежды, и наконец какие-то уже спины, потом лица, люди возникают - это войско Давида, или город, в общем впрямую про Давида и всех.

Частная театральная школа. Маленькая студия. Несколько русских, пара американцев, аргентинец, израильянин, денег особенных нет. Все актеры работают. Студенты, сторожа, моют пол. Школа в современном Израиле лучше, чем в любой другой стране, потому что очень много территориальных ассоциаций и связей.

Собираются люди, интересующиеся театром, скорее всего - нетрадиционным, потому что ведь это не репертуарная пьеса - а какие-то эксперименты. Профи не станут собираться на такой малопонятный проект. Так что это полулюбители. Что-то вроде Дебют-центра - все начинающие, драматург, режиссер, артисты. Они импровизируют на темы Библии. Можно чтобы режиссер был и автором, а можно их разделить - тогда возникает диалог, драматург предлагает текст сцены, режиссер придумывает решение. Можно писать, как они ездят на природу - как Станиславский и МХАТ ездили в ночлежки для "На дне", Додин со своими ездил в северную деревню, на родину Федора Абрамова и т.д. - так они ездят на Мертвое море, по скалам и пещерам лазают, сидят в соленой воде до опупения - ждут, пока в них прорастет "зерно" ролей.

Идут шутки про американский тяжелый акцент, шутки про арабов. Двое американцев в вязаных кипах - религиозные, но не ультра. Они - поселенцы. Им говорят, что у них премьер теперь - палестинец Арафат.

Американцы говорят, что вообще пора возвращаться в Калифорнию, там у них землетрясения.

Аргентинец говорит, что "царей не берут из мойщиков полов - царей берут из пастухов".

Режиссер говорит, что если они будут слишком много шутить, то можно будет выбрать более известных актеров.

Режиссер: начинаем играть с того места, когда царство отнимается у Саула. Но пока еще старое время.

Саул такой здоровенный чурбан, одна жена. У каждого царя в жизни существует момент, когда у него есть одна-единственная жена. Это замечательный момент, я по себе знаю.

Про Саула в следующую пятницу.

Как живёшь, Катя? What's up? Come stai?

Письмо третье

Кать, ты где?

У меня нет сомнения, что пройдет несколько лет, и мы друг друга потеряем. Это теория. Нельзя сохранить отношения, проживая в разных странах. Я не хочу выбить из тебя, старуха, слезу, но, находясь в Гарварде, теоретически нельзя, даже не могу найти подходящего слова - чего нельзя. Нельзя. Дружеские отношения ты сохранить не сможешь. Я не знаю, о чем ты там пишешь, но в то, что ты сможешь там писать, так как ты писала раньше, я тоже не верю. Я могу писать тебе любые другие вежливые слова, но я их ещё не придумал. Ты помнишь, у Каверина, а может быть, у Катаева, есть такая сказка про дудочку и кувшинчик. Там девочка идет в лес за ягодами, и гном забирает у нее кувшинчик. А взамен дает ей дудочку, которая поднимает листья, так что становятся видны ягоды. Это абсолютный закон жизни, "или дудочка или кувшинчик". По-другому не бывает.

Я не считаю, что ты должна оттуда уезжать, но не нужно ничего себе придумывать. С какого-то момента ты просто перестанешь меня слышать (да и слава Богу!). Только бы тебе было комфортно. А меня ты сможешь виртуально использовать, как тебе будет удобно. Мы можем с тобой вместе, по старой памяти, пить алкогольные напитки. Намечаем вместе час, с поправкой на часовые пояса, и вперёд! Только не перепутай, я не собираюсь надираться в одиночку. Можешь пригласить своих студийцев!

Что мы с тобой пивали, пока ты еще не стала известной американской поэтессой? Лосьончик, о'кей? Детского лосьона сейчас в продаже я не вижу. Но "розовая вода" меня бы полностью устроила. Мы пили её с тобой в Пицунде. Это тебе не портвейн Казбек, с запахом нефти. Это - культурный напиток. Все компоненты - один полезнее другого. Капля глицерина, розовая эссенция - всё остальное только чистый продукт. А запах, ой, класс! Розовый сад! Правда, я не понимаю, где в Бостоне ты будешь его искать. В "Севен-элевен" лосьоны не продаются. Чего мы еще с тобой пили? Вспоминай!

Но ты должна чётко понимать, что твои коллеги по Гарварду ни Шипр, ни Тройняшку пить не станут. Может быть, тебе удастся уговорить их на настойку боярышника. Скажи им, что у него есть совершенно благородное название - *Tinctura grataegi*. Скажи, что это любимый напиток хеттов.

Или можно по-простому вступать в половые акты по переписке. Только тогда уже без студийцев!

У меня большой опыт. У меня лежит чемодан писем, которые пересекали океан по четыре раза каждое. Я надписывал письмо поверх текста и возвращал его. Теоретически, можно даже забеременеть.

В половые акты ещё можно вступать по телефону. Это безопаснее. Но для этого должны быть очень профессиональные партнерши. И еще такое старенькое забытое чувство на букву "Л". Потом оно проходит. Я два раза в год звоню одной барышне в Москву и просто говорю "привет". А она говорит без секундной задержки "хорошо, что ты звонишь". Завтра, у неё, кстати, день рождения. Наверное, ей завтра исполнится лет сто, но по телефону этого не

чувствуешь. По телефону она возбуждается как девочка. Сейчас я думаю, что всё получалось бы и по интернету. Но мы уже не виделись с ней целых двадцать семь лет. И я спрашиваю, ты всё еще активно православная? И она говорит "да", а я вешаю трубку. По телефону больше ничего не получается. Я не люблю религиозных женщин. А раньше она дико любила трахаться. Правда, там была очень большая буква "Л". Но зато с тобой мы можем вступать в дружеские половые акты. Это такой технический вид спорта, без лишних чувств. На эту тему мне долго твердила одна девушка, что "от знакомых не рожают". Я совершенно искренне не понимал, что она имеет в виду. Психолог объяснил мне, что это может значить только, что девушке не хватает любви. Тот случай как раз не был исключением. Да, и есть ещё хорошее выражение "была изнасилована хорошим знакомым". Я себе эту ситуацию очень живо представляю. Если растянуть это выражение до "была изнасилована хорошо знакомым царем", то мы уже почти у цели. Мы у книги царей. ГЛАВА 9 откуда СТИХ 2.

"В колене Вениамина у Некоего Киса был сын, который был от плеч выше всего народа, и красивее его не было в Израиле."

Саул.

Снег под фонарями. Минус три, а ночью всё тает.

Но всё-таки, что же у нас с театром. Знаешь, для меня история Саула начинается с очень сложного места, когда Самуил говорит, жди меня семь дней, пока я не приду к тебе, и тогда скажу, что дальше делать. Но семь дней проходят, Самуила нет, и Саул сам начинает всесожжение, потому что народ разбегался. И с этого момента звезда Саула, который только что выбран и получил новое сердце, безвозвратно покатится вниз. От Тулона до Елены, как у Венечки Ерофеева, проходят считанные часы.

И вот тут о сроке неделя Самуила, и он ждал. Хороший Саул с новым сердцем. Трепетный дубина, но избранник. Никого не было в народе равного ему, как Иди Амин, с пятью женами. Английский сержант среди простого люда угандийских шахтеров. В обеденный перерыв вся армия разбегается по своим деревням. Царь - немножко людоед. Любит играть на гармошке. Хоть Саул, конечно не людоед.

Я слышу всё, что ты пишешь, и текст может иметь отношение к твоей студии, но я не хочу всё это учитывать. Профессионализм тоже для меня значения не имеет, но я вообще плохо понимаю, как можно ставить текст. Даже не в этом дело. Понимаешь, в идеальном виде я вижу это как "театр Давида". То есть театр, разыгрывающий его жизнь. И как раз танец от студии мне очень нравится. Конечно, могут быть какие-то ударные куски, которые идут отдельными пьесами. При этом это могут быть и трактовки любых других авторов. Но это все идеальная ситуация на Луне. Я не знаю, как привязать это к реальной жизни и не хочу никогда узнавать. Я даже боюсь, что твои внеклассовые реалии будут мне только мешать. Поэтому делай с текстами, что ты хочешь.

Письмо четвертое

Театральная школа. Режиссер сидит. Комната. Осматривает железную кровать с сеткой. Приемная. Приходят люди по очереди. Никто ничего толком не знает, режиссер опрашивает всех подряд. Обычные актеры, относятся к этому как к обычной халтуре. Хотят попасть в серию. В приемной только актеры на главные роли. Два Давида. Два Саула. Кто-то совершенно нелепый на эти роли.

Параллельно набору актеров продумывается сценарий первой и второй серии. Идут пробные серии.

Вступление растягивается за счет приема новых актеров, и некоторые сцены повторяются по несколько раз - то есть это можно делать с любой из серий.

Постоянный состав:

Давид

Иоав, Авесса- племянники Давида, сыновья его сестры Церуи

Саул

2 дочери Саула - Мирав и Михаль

Сыновья Саула - Ионатан и появляющийся в эпизоде царь Иевосфей

Авенир военачальник и дядя Саула

Жены Саула

Бат-Шева, жена Урии

Абигаль, ВДОВА НАВАЛА

ПРОРОК САМУИЛ

Сыновья Давида - Авессалом, Ам non

Урод Анхус

Царь Гефский

Только пара героев проходит через всю жизнь Давида. Это его племянники Иоав и Авесса. Остальные проходят только через часть серий.

Я чувствую себя как чёрный раб, который поднимается по трапу. На спине у меня приличная связка. Не такая, как несут мои грузчики, но все-таки коробок пять с религиозными книгами я несу. Сегодня мы работаем с Йоськой. Мой собственный тендер сломан, и я просто как грузчик подрядился переносить хасидскую квартиру. С пятого на пятый. Будет два полных грузовика. При двух пятых этажах и пятидесятиметровом подносе по улице мы будем загружать грузовики часов девять. Большинство хасидов мы отвозим в их религиозные городки. Но самые рьяные фарисеи пытаются распространиться по городу вширь. Сегодня мы везём "ряного". Я его еще не видел, с утра он околачивается в синагоге и распоряжается всем какая-то американская бабка и наш хозяин Йоське. Йоське тоже хасид, но он старик, работяга, он не книжник. Часа через два, когда я окончательно выдохнусь, я встану на укладку, а пока идут книги и укладывает сам Йоське. Я вижу только его сапожки на борту грузовика. Йоське

женат на религиозной бабе из Ташкента, и он говорит на арабском лучше, чем на иврите, Йоське родился лет сто назад прямо тут в Иерусалиме. В одном квартале от Короля Георга 8, куда переезжает наш клиент. Восемь - это дом, а король Георг вообще-то пятый. Везём прямо из самого хасидского логова. Это район - Рамот Полинь, их чёрное царство. На Кинг Джордж все дома старые, этажи высокие, шестнадцать ступенек пролёт. Ещё англичане строили. Три адвокатские конторы, два стоматолога, одна из них русская, массажный кабинет, скорее всего это бордель, и редкие неуютные, запущенные квартиры. Если бы не бордель, всё это напоминает лестничный пролёт на Петроградской. Перед отъездом я сидел несколько лет в отказе и работал врачом скорой. Вот по таким лестницам мы таскали больных с инфарктами. Но профессиональный престиж - это последнее, по чему я сокрушаюсь в этой жизни. Мой диплом врача представляет для меня такую же ценность, как этот использованный презерватив, который лежит у меня под ногами на лестнице. Веселый домик, непонятно, почему сюда перебираются хасиды. В Рамоте Полинь презервативы не валяются. Я думаю, что они их даже никогда не видели. Мои мысли перестают виться вокруг инфарктов на Петроградской стороне, длинноногих фельдшериц с 16 подстанции скорой помощи и приобретают ярко выраженный презервативный характер. Я аккуратно обхожу презерватив и поднимаю ногу на высокую ступеньку. Презерватив не вяжется с религиозной литературой, которую я тащу. Главное - это не делать резких движений. Мой мозг свободен: я могу несколько часов вспоминать все презервативы, с которыми я сталкивался в жизни. Римский папа - большой противник презервативов. Он говорил, что уничтожил бы все презервативы на земле. Я не представляю, как он собирался это сделать технически. Если их сжигать, то была бы жуткая вонища. А вот мой папа наоборот хранил их в коробочке из-под леденцов в нижнем ящике письменного стола. И я водил весь двор их смотреть и пересчитывать. Как-то, когда мне было уже лет четырнадцать, отец попросил меня принести эту коробочку и её раскрыть. От стыда я чуть не умер. Но отец наорал на меня, и я взял эту иудину коробочку в руки. Там лежали толевые гвозди. Отцу было в этот момент тридцать шесть лет. А мне сейчас уже пятьдесят два. То есть отец по возрасту уже сам мог быть моим сыном. И это я мог бы посыпать его за этой коробочкой из-под леденцов!

Мой отец вообще очень ответственно относился к презервативам! В своем плане (а у него был отличный журнал, в котором расписывались все дела) в разделе "домашние дела" у него стояло: "купить презервативы"! Верь после этого в генетику! Генетика - это враньё, буржуазные сказки.

В какой-то момент я немного устаю от этих мыслей. И переноска книг не очень меня возвышает.

Но я вообще не люблю книги. Эти бруклинские б... делают хасидские книги тяжёлыми и толстыми, с золочёными обрезами. И ешё эти книги они норовят положить в жёсткие пластмассовые коробки из-под молока, и коробки дико режут спину. Такими книгами должна быть уставлена вся гостиная. Чем ученее

хасид, тем должно быть больше книг. И тем они золотее. Чем закрученнее пейс, тем он больше молится. Поэтому пейс - это особенное место в хасидской жизни, с детства они закручивают пейс на бигуди. Даже одна девушка, с которой у меня был роман, говорила, что когда она входит в хасидские магазины, у продавцов встаёт пейс. Такая у неё была самооценка. Но вот именно эта история к презервативам отношения не имела никакого.

Невероятно жаркий день! Я не понимаю, как мои ребята могут ходить по такой жаре пьяными. У нас сегодня отличный состав - два актера, я - бывший гинеколог и ещё один оперный певец. Оперный певец все время где-то ворует тёплое шабатнее винцо, и утром он уже уронил стиралку. Йоське только крякнул. Но стиралка мягко упала на траву, и хозяева ничего не видели. По вечерам певец пением подрабатывает на Бен-Йегуде. Но только в те дни, когда нет погрузки. За певцом нужно всё время следить. Две ходки подряд я пытаюсь вспомнить анекдоты про презервативы. Но я вспоминаю только два. Как одна барыняка приезжает в деревню и говорит мужикам, которые хотят с ней совокупиться на телеге: "Вы же не хотите, чтобы у меня был маленький!" И надевает им дореволюционные кондомы. Следующая сцена происходит через год: мужики пашут в поле, и один другому говорит: слушай, черт с ней, пусть у неё будет маленький, давай эти резинки снимем! А второй анекдот про трех богатырей и Змея Горыныча, очень хороший, но я не успеваю его додумать, потому что уже очень устал, и я просто мрачно бреду по лестнице.

Через несколько часов этого перешагивания через презерватив я начинаю думать, что пора уже отшвырнуть его ногой. Если отшвыривать его понемногу в каждую ходку, то постепенно презерватив долетит до первого этажа, если нигде до этого не повиснет. Или можно ещё дальше протолкнуть его между решетками к подвалу, в который, правда, придется спускаться за досками для праздничного шалаша. Но когда идешь вверх с книгами, то забываешь отшвырнуть его ногой. Потому что, если неверно поставишь ногу, то можно потянуть связки, и стараешься подниматься абсолютно четко по прямой линии. А вниз бежишь и уже ни о чем не задумываешься. Просто пробегаешь вниз и даже не помнишь, на какой площадке находится это противозачаточное средство. Вот так проходит день. Презерватив всё еще лежит, но уже сумерки. Я его вижу, только когда открывается дверь на площадке русской зубной врачихи. Непонятно вообще, как он здесь очутился. Обычный презерватив, я плохо в них разбираюсь. У меня даже образовались комплексы, потому что какой-то сумасшедшей страстью должен обладать мужчина, чтобы всю жизнь домогаться своей жены в презервативе. Видимо, я очень холодный человек. То есть я могу себе представить это только как какое-то разовое мероприятие в железнодорожном вагоне или в женском общежитии фабрики Красное Знамя. Но ты не забывай, что задача моих писем - выйти на Америку, даже методом простого перескока. Например, интересно, пользуются ли презервативами у вас в трансконтинентальных экспрессах?! Это, кстати, идея, если я когда-нибудь доберусь до Америки, то я проведу такое исследование. Но это не очень

вероятно, потому что ехать не к кому. Я ухитрился переругаться со всеми бывшими друзьями-врачами, а у остальных нет денег на приглашения. И вопрос использования презервативов придется вам изучать самим.